

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

R.O. Richards. The Pannonian Slavic dialect of the Common Slavic Proto-language: The view from Old Hungarian / Ed. by Vyacheslav V. Ivanov and Brent Vine. UCLA Indo-European studies. V. 2. University of California. Los Angeles. 2003. 234 p.

Во втором томе “Индоевропейских исследований Калифорнийского университета” представлена монография Рональда О. Ричардса “Паннонославянский диалект праславянского языка: Взгляд со стороны древневенгерского языка”. Фактически это диссертация автора, защищенная в 2001 г. на Отделении славянских языков и литератур Калифорнийского университета (Лос-Анджелес). В работе предпринята попытка взглянуть на проблемы исторической диалектологии славянских языков через призму славянских заимствований в венгерском языке.

Обширный материал славянских заимствований (СЗ) в венгерском языке издавна привлекает внимание славистов, в первую очередь, конечно, венгерских. Для палеославистики особый интерес представляет, естественно, корпус ранних заимствований X–XV веков, насчитывающий несколько сотен лексем, некоторая часть которых была заимствована в период, последовавший за Переселением и завоеванием венграми Среднего Подунавья, т.е. в X в. Для палеославистики значение древнейших СЗ в венгерском подчеркивается тем обстоятельством, что они позволяют пролить свет на особенности языка тех славян, которые внесли столь значительный вклад в венгерскую лексику. По мнению подавляющего большинства исследователей, это были славяне, ассимилированные венграми, а именно славяне паннонские. Славяне, населявшие Карпатский бассейн, вряд ли представляли единство в языковом отношении, поэтому в славистике существуют различные подходы к их этническому отождествлению. Детальное изучение древнейших СЗ в венгерском дало бы возможность выявить характерные черты языка паннонских славян накануне и после прихода венгров и его связи с теми праславянскими говорами, которые затем легли в ос-

нову самостоятельных южно- и западнославянских языков и их диалектов¹. В славистике уже сложилась традиция называть язык паннонских славян паннонославянским (паннонскославянским).

Вопрос о выделении древнейшего слоя СЗ в венгерском языке назрел давно, но фактически первая попытка выявить (в первую очередь на основании фонологических критериев) и лингвистически проанализировать корпус древнейших СЗ как единое целое с целью его использования в праславянской реконструкции была предпринята Е.А. Хелимским в докладе на X съезде славистов [Хелимский 1988]. Такая работа оказалась важной и в методологическом отношении, поскольку показала, что использование результатов изучения языковых контактов в решении проблем реконструкции весьма плодотворно. Рецензируемую монографию Р. Ричардса можно рассматривать как исследование в том же направлении.

В своем исследовании Р. Ричардс исходит из предположения, что славяне, жившие в Западной части Карпатского бассейна, говорили на паннонославянском диалекте праславянского языка. В X–XII вв. они были ассимилированы пришлым венгерским населением, но их паннонославянский диалект оставил след в многочисленных заимствованиях венгерского языка. Монография посвящена установлению

¹ Ср. в связи с этим попытки выделить дакославянский слой в румынской лексике, что позволяет некоторым славистам ставить вопрос о реконструкции дакославянского, который, возможно, отражен в крашованском диалекте (сербохорватского?), генезис которого остается предметом дискуссий (см. [Трубачев 2002: 363–365]).

языковых характеристик исчезнувшего паннонославянского диалекта праславянского языка. Эта проблема решается на материале древнейшего слоя славянских заимствований в древнененгерском языке. Для ее решения автор предпринимает попытку выявить корпус древнейших СЗ и квалифицировать эти заимствования с точки зрения их принадлежности к той или иной диалектной праславянской зоне. Монография состоит из четырех глав, избранной библиографии, насчитывающей 140 пунктов, и индекса слов.

Глава первая (Введение. Обзор деятельности славян в Паннии, с. 1–48) представляет собой сжатое изложение основных точек зрения на этнолингвистическую историю Паннии, сопровождаемое обильным цитированием. В первой части главы (Славяне и авары, с. 2–25) рассмотрены теории, интерпретирующие отношения между славянами и аварами, в том числе возможность славянского присутствия в данном регионе до прихода аваров в VI в. и проблему славяно-аварского симбиоза. Анализ этих теорий позволил автору сделать выводы, существенные для дальнейшего изложения: во-первых, славяне присутствовали в Паннии по крайней мере четыре века до прихода сюда венгров в 895 г., во-вторых, возможно, именно Панния была эпицентром славянской языковой экспансии. Вторая часть первой главы (Этноязыковой состав славян в Паннии, с. 25–47) посвящена обзору основных версий этноязыковой принадлежности паннонских славян и тем самым происхождения древнейшего слоя славянских заимствований в венгерском – словацкой (Я. Станислав), словенской (И. Книжеа, Х. Бирнбаум), болгарской (О. Ашбот, И. Тот)² и сербохорватской (И. Попович) версий. Последняя предполагает гетерогенность славянского населения Паннии при преобладании автохтонного сербохорватского элемента. Существует и еще одна гетерогенная версия, которая подчеркивает не столько гетерогенность славянского населения Паннии, сколько то, что паннонославянский диалект пересекается своими признаками с соседними словенскими, сербохорватскими и словацкими диалектами праславянского языка (Вяч. В. Иванов [Иванов 1982: 227], Е.А. Хелимский). Эта версия, в сущности, близка автору монографии и используется им в качестве рабо-

чей гипотезы исследования. В книге, однако, недостаточно подчеркнуто, что эти теории являются по сути субстратными, а им противостоит подход, согласно которому источником СЗ в венгерском являются разные соседние славянские языки и диалекты, причем не только те, что могли сосуществовать с древнененгерским в Паннии, но, в частности, и восточнославянские. Восточнославянизмы среди СЗ в венгерском языке составляют особую проблему в связи с тем, что накануне Переселения в Среднее Подунавье венгры в IX в. контактировали с восточными славянами, однако, в настоящее время более или менее общепризнано, что эти контакты не были столь значительны, чтобы предполагать большое количество заимствований из языка восточных славян до Переселения. Эта проблема подробно рассматривается автором в третьей части (Вопрос восточнославянских заимствований в венгерском до Переселения, с. 94–103) третьей главы.

Вторая глава (Методы исследования, с. 49–88) посвящена описанию методов, использованных автором при определении древнейшего слоя заимствованных венгерским языком славянских апеллятивов, которые послужат материалом исследования в следующей главе. В основу выявления древнейших СЗ автор кладет фонологический подход, используя четыре критерия: 1) отражение в заимствовании праславянских носовых гласных; 2) субституция славянской аффрикаты *с венгерскими /č/ (в анлауте) или /t/ (в ауслауте); 3) замена славянского *ž венгерским /š/; 4) отсутствие отражения регрессивной ассимиляции согласных по звонкости – глухости после падения редуцированных гласных. Как отмечает Р. Ричардс, только первые два критерия могут указывать на древность СЗ, тогда как два последних выполняют скорее лишь ограничительную функцию, указывая на невозможность включения того или иного СЗ в корпус древнейших паннонославянских заимствований. Но, строго говоря, даже применение самого надежного из критериев, а именно, касающегося отражения носовых гласных, сталкивается с определенными трудностями. Во-первых, не совсем корректно устанавливать древность СЗ, исходя из отражения славянских носовых в венгерском, поскольку само наличие носовых в славянских говорах Паннии конца IX – начала X в. датируют главным образом СЗ в венгерском. Мы можем быть уверены лишь в том, что эти СЗ не появились в венгерском до Переселения – из языка восточных славян, поскольку среди многочисленных СЗ в венгерском, содержащих праславянские сочетания типа *TORT, нет таких, которые с учетом фактов исторической фонетики венгерского и русского

² К этой версии, видимо, склонялся С.Б. Бернштейн, полагавший, что “славянские элементы в венгерском носят прежде всего черты болгарского языка” [Бернштейн 1961: 76].

языков можно было бы интерпретировать как восточнославянские (независимо от того, какая форма – **TORT*, **TORD* или **TOROT* – в то время у восточных славян). Во-вторых, существует проблема длительного (до XIII в., а в ряде случаев и до настоящего времени) сохранения носовых гласных в словенских диалектах, что предполагает возможность позднего заимствования славянских слов с носовыми. Этот вопрос обсуждается автором монографии в специальном разделе третьей части второй главы (Проблемы поздней денализации праславянских носовых гласных, с. 80–82). Несомненным достоинством работы является внимание автора к проблемам исторической фонетики венгерского языка, которые связаны с квалификацией СЗ в венгерском. В работе показано, как различные венгерские фонологические процессы воздействуют на форму славянских заимствований. Этому в значительной степени посвящены вторая (Реконструкция паннонославянских лексем, с. 66–79) и третья (Венгерские фонологические изменения и процесс идентификации СЗ, с. 79–87) части второй главы.

Исследованию выявленного на основании фонологических критериев корпуса древнейших СЗ посвящена самая большая в книге глава третья (Исследование корпуса, с. 89–189), состоящая из 10 частей. Однако и в этой главе, в ее первых пяти разделах (с. 89–116), содержатся дополнительные теоретические обоснования самой возможности использования корпуса древнейших СЗ для реконструкции паннонославянского диалекта, в частности, обсуждаются проблема восточнославянских заимствований в венгерском до Переселения, проблемы славяно-венгерских контактов после Переселения и проблема паннонославянского койне. Последний вопрос имеет для автора принципиальное значение. Он полемизирует с Е.А. Хелимским, который полагает, что паннонославянский диалект использовался как койне в условиях славяно-венгерского двуязычия и служил своего рода буферной зоной между славянским и венгерским языками, из которой СЗ и проникали в венгерский язык. В своей реконструкции Р. Ричардс исходит из того, что СЗ попадали в венгерский непосредственно из говоров паннонских славян, минуя посредство другой языковой системы, в том числе какого бы то ни было койне. Он полагает, что даже если в Центральной Европе и существовало какое-либо славянское койне, то его использование на территории именно Паннонии маловероятно (с. 108).

Последний анализ реконструированного корпуса, насчитывающего 53 паннонославянских заимствования, представлен автором в шестой части третьей главы монографии (Анализ корпуса, с. 116–166). Каждое слово подвергается фонологическому и семантичес-

кому анализу и устанавливается степень близости славянского прототипа к следующим праславянским диалектным областям: А – восточнославянской, В – лехитской, С – лужицкой, D – чешско-словацкой, E – словеносербохорватской, F – болгаро-македонской с подразделениями, в случае возможности дифференциации внутри этих групп (например, D₁ проточешский и D₂ протословацкий, E₁ протословенский и E₂ протосербохорватский и др.). Подобный анализ преследует в конечном итоге цель устранить те или иные диалекты как возможные источники конкретного заимствования. При этом используются четыре оценки такой возможности: фонологически вероятно (phonologically feasible) – маловероятно (phonologically infeasible) – невозможно (phonologically improbable) – семантически возможно (semantically viable). Выводы автора, вытекающие из такого анализа материала, представлены в виде таблиц. В качестве примера этих характеристик приведем слав. **do'ga* / венг. *donga* 'клепка, изогнутая доска в бочке':

Phonologically feasible	A, C, D, E ₂
Phonologically infeasible	B, E ₁
Phonologically improbable	F
Semantically viable	A, E

Каждую из таких таблиц предваряет фонологический и семантический анализ, сопровождаемый разнообразными комментариями с указанием первых фиксаций слова в венгерских источниках бытования слова в диалектах. Полученные в результате такого исследования материалы подвергаются количественной обработке в десятом разделе (Разные подходы к количественному представлению данных, с. 175–189). Автор приходит к таким выводам: если учитывать только фонологический критерий, то процент слов реконструированного корпуса, которые в принципе могут быть ассоциированы с каждой из выделенных диалектных зон, следующий: E – 98%, A – 94%, D – 81%, C – 79%, B – 36%, F – 32%. Процент несколько меняется в случае привлечения всех возможных критериев: E – 89%, D – 68%, A – 62%, C – 55%, B – 25%, F – 25%. Таким образом, словеносербохорватская группа может рассматриваться как наиболее близкая паннонославянскому диалекту и соответственно как наиболее вероятный источник СЗ в древневенгерском. Если же, опираясь в первую очередь на субституцию заднего носового гласного, дифференцировать лексику из корпуса, которая может быть (но не должна быть) ассоциирована с словеносербохорватской группой, как протословенскую (с [o']) и протосербохорватскую (с [ɔ]),

то получается, что из 52 лексем (в о з м о ж н о словено-сербохорватских) только три должны быть интерпретированы как протословенские. Соответственно, если паннонославянский диалект был в языковом отношении гомогенным образованием, то его, по мнению Р. Ричардса, наиболее естественно было бы рассматривать как часть протосербохорватской диалектной области (с. 187–188). Если же, паннонославянский диалект был лингвистически гетерогенным, то доминирующими в нем следует считать протосербохорватскую и проточешско-словацкую диалектные группы. Как в случае гомогенного, так и в случае гетерогенного характера паннонославянского диалекта следует исключить ведущую роль в его возникновении протословенского (теоретически максимальная доля протословенских лексем в корпусе составляет лишь 34%, реально их было значительно меньше – с. 188).

Следует отметить, что выводы, сделанные Р. Ричардсом, сформулированы очень осторожно и сопровождаются многочисленными оговорками, поэтому рецензент постоянно рискует представить их несколько более прямолинейными, чем у автора, и тем самым несколько исказить. Такая осторожность является следствием принятых на себя автором весьма строгих методологических обязательств. Это, в частности, выражается и в том, что на протяжении всего исследования автор не исключает возможности (теоретическая) значительного восточнославянского вклада в паннонославянский диалект и СЗ в венгерском. Серьезно обсуждается даже участие в исследуемых процессах древненовгородского диалекта в связи с неразличением в нем свистящей и шипящей аффрикат (цоканье) и отсутствием в древневенгерском фонемы /ç/ (с. 115–116). Такая методологическая строгость и широта взглядов во многом оправдана, особенно если учесть, что в славистике представлена авторитетная концепция, согласно которой Средний Дунай был местом древнего обитания (фактически прародиной) всех славян, в том числе и будущих восточнославянских [Трубачев 2002]. Тем не менее, исследование Р. Ричардса подтверждает, что среди древнейших СЗ в венгерском отсутствуют такие, которые можно было бы однозначно ассоциировать с восточнославянской диалектной зоной.

Четвертая глава (с. 191–214) представляет собой заключение, в котором автор пытается соотнести полученные им во второй и третьей главах результаты с существующими версиями этноязыковой принадлежности паннонских славян, подробно рассмотренными им в первой главе монографии. Сербохорватская версия, как указывает автор, лучше всего согласуется с полученными им результатами анализа корпуса славянских заимствований в древневенгерском, причем в случае гетеро-

генности паннонославянского диалекта на роль второго компонента больше всего оснований претендовать проточешско-словацкому. Данные Р. Ричардса не позволяют отдать предпочтение проточешскому или протословацкому компоненту. Как считает автор, его данные могут быть также согласованы, хотя и не содержат прямых аргументов, с выводами тех славистов, которые считают, что Паннония была центром славянской языковой экспансии. В частности, паннонославянская реализация заднего носового *o[↑]>[ц] представляет собой инновацию, объединяющую лужицкий, чешский, словацкий, сербохорватский и восточнославянский диалекты, которая вытесняет архаический словенский рефлекс [o[↑]] с территории Паннонии на славянскую периферию (с. 207–208).

Монография Р. Ричардса – результат серьезного, кропотливого исследования. Автор, несомненно, достиг поставленных целей, максимально используя заложенные в предложенной им методике возможности. Данная работа представляет собой существенный вклад в палеославистику, причем не только благодаря тщательному анализу привлеченного материала, но и как апробация определенной оригинальной методики исследования. Книга привлечет внимание как исследователей исторической диалектологии славянских языков, так и значительно более широкий круг лингвистов, в частности, занимающихся языковыми контактами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бернштейн 1961 – С.Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
- Иванов 1982 – Вяч. Вс. Иванов. Диалектные членения славянской языковой общности и единство славянского языкового мира (в связи с проблемой этнического самосознания) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.
- Трубачев 2002 – О.Н. Трубачев. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистическое исследование. Изд. 2-е, доп. М., 2002.
- Хелимский 1988 – Е.А. Хелимский. Венгерский язык как источник для праславянской реконструкции славянского языка Паннонии // Славянское языкознание. X МСС. Доклады советской делегации. М., 1988.

М.Б. Попов